

Атаман против Турции

[Ataman – Turkey] (№ 46252/99)

Постановление от 27 апреля 2006 г. [вынесено III Секцией]

Обстоятельства дела

В 1997 году сын заявителя, Михаил Атаман, в возрасте 21 года был призван на военную службу в г. Карсе. В сентябре 1997 года его семья обратила внимание на его странное поведение при телефонных разговорах с ними, а также на то, что связываться с ним стало труднее. Семье также стало известно, что ему более не позволяют носить оружие и покидать казарму. Друг семьи, навещавший сына заявителя, пришел к мнению, что его психологическое состояние внушает тревогу, и ему требуется лечение. Заявитель договорился, чтобы его сын вернулся домой в отпуск, которая полагался военнослужащим каждый год, и добивался его лечения в г. Малатья, однако тот совершил побег из части и был арестован военной полицией в состоянии помешательства. 4 ноября 1997 г. Михаилу Атаману был сделан укол невролептического препарата в военном госпитале в г. Малатья, а потом его доставили в психиатрическое отделение военного госпиталя в г. Анкаре, где, согласно справке от 19 ноября 1997 г., у него наблюдались симптомы тревожного состояния. Далее в справке сказано, что если эти симптомы не пройдут, он подлежит лечению в военном госпитале той провинции, где дислоцирована его воинская часть. В справке также упоминалось о необходимости «зарегистрировать пациента и проинформировать об этом его воинскую часть». По-видимому, к тому моменту, когда Михаил Атаман вернулся в казарму, его здоровье улучшилось. Однако его психологическое состояние вновь ухудшилось по возвращении его командира, капитана У. 16 января 1998 г., в 2 часа ночи, заявителю сообщили, что его сын совершил самоубийство, находясь на боевом дежурстве в гараже казармы. На место происшествия незамедлительно прибыл военный прокурор, и были проведены различные следственные мероприятия. Согласно заключению судебных экспертов, проводивших вскрытие трупа, причиной смерти явилось пулевое ранение в сердце, произведенное выстрелом в упор.

По жалобе заявителя прокурор начал предварительное расследование по факту смерти сына заявителя. В связи с этим было собрано множество показаний сослуживцев погибшего, а также с членов его семьи. Комиссия по дознанию, состоявшая из трех офицеров-экспертов, которая была создана военным прокурором для расследования административных аспектов дела, пришла к выводу, что воинский устав нарушен не был, а военный персонал, осуществлявший наблюдение и (или) проверки, нельзя было обвинить в халатности. Комиссия также посчитала, что самоубийство не явилось прямым следствием чрезмерных переживаний призывника по поводу его внутрисемейных проблем. По результатам дальнейшей проверки с капитана У. была снята всякая ответственность. 23 марта 1998 г. прокурор счел, что в деле идет речь лишь о самоубийстве, и решил, что нет необходимости возбуждать уголовное дело. 4 мая 1998 г. соответствующий военный трибунал отклонил жалобу заявителя на основании того, что проверка не показала наличия каких-либо нарушений.

Вопросы права

По поводу соблюдения требований статьи 2 Конвенции: вопрос о соблюдении государством лежащих на нем позитивных обязательств. Взгляды сторон относительно выводов, которые могут быть сделаны из обстоятельств дела, существенно различались. Государство-ответчик заявило, что Микаил Атаман наложил на себя руки, в то время как заявитель утверждал, что его сын был умышленно убит офицером. Однако доказательства, содержащиеся в деле, наводили на мысль, что речь шла о самоубийстве. В ту ночь, когда случилось это происшествие, Микаил Атаман нес боевое дежурство в гараже казармы вместе с двумя другими призывниками. Последние двое находились на другой стороне гаража и сразу же после того, как прогремел выстрел, обнаружили его лежащим на земле. На теле лежало его винтовка. Проведенные на месте происшествия экспертизы подтвердили версию о самоубийстве. Соответственно, утверждения заявителя о том, что его сын был убит, на самом деле основывались на предположениях и не могли посеять сомнения в уместности доказательств, показывающих, что смерть Микаила Атамана наступила в результате самоубийства.

Тем не менее, вопрос, на который должен ответить Европейский Суд, заключался в том, знали ли турецкие власти или должны ли были они знать о существовании реальной и непосредственной опасности, что Микаил Атаман совершит самоубийство, и если да, то предприняли ли они меры, которые могли бы с разумной степенью вероятности предотвратить эту опасность. В связи с этим Европейский Суд напомнил, что на государствах лежит обязанность принять оперативно-профилактические меры для защиты всех лиц, жизнь которых подвергается опасности. Поэтому от государства, в котором существует обязательная военная служба и призывникам разрешается иметь дело с оружием, можно было бы ожидать, что оно проявит особую предусмотрительность и обеспечит лечение, соразмерное условиям, созданным в вооруженных силах для солдат с психологическими расстройствами. В настоящем деле власти Турции не предприняли практических мер, которых мог бы от нее ожидать разумный человек, а именно мер по предотвращению доступа сына заявителя к смертоносному оружию.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований статьи 2 Конвенции (вынесено единогласно).

Вопрос о расследовании обстоятельств смерти. Несмотря на то, что турецкие власти немедленно возбудили расследование, заслуживает внимания тот факт, что военный прокурор не собирался выяснять причины, которыми был вызван недостаточный обмен информацией между психиатрическим отделением военного госпиталя в г. Анкаре и командирами покойного. Эти проверки могли бы иметь решающее значение для распределения ответственности между различными властями. Выводы следствия могли бы различаться в зависимости от того, проинформировали ли медицинские работники воинскую часть, где служил Микаил Атаман, о его психологических проблемах, или от того, проявили ли его командиры халатность, не отобрав у молодого призывника оружие, будучи проинформированными о его состоянии. Соответственно, власти Турции не выполнили своего обязательства провести адекватное и эффективное расследование обстоятельств смерти сына заявителя.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований статьи 2 Конвенции (вынесено единогласно).

По поводу соблюдения требований статьи 8 Конвенции. Учитывая свой вывод о том, что имело место нарушение требований статьи 2 Конвенции, Европейский Суд не посчитал необходимым отдельно рассматривать жалобу в той ее части, которая касается предполагаемого нарушения требований статьи 8 Конвенции.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что рассмотрение жалобы в этой части не является необходимым (вынесено единогласно).

По поводу соблюдения требований статьи 13 Конвенции. Проведенное по уголовному делу расследование оказалось недостаточным для распределения ответственности между медицинскими властями и командирами потерпевшего в отношении передачи либо оценки информации о состоянии здоровья Микаила Атамана, другими словами, о конкретных обстоятельствах, связанных со смертью сына заявителя. Если это так, что нельзя сказать, что по уголовному делу было проведено эффективное расследование в соответствии с требованиями статьи 13 Конвенции.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции (вынесено единогласно).